

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Вешаюха мизега оири аиуруина

- 1. Фамилия Перенгов
- 2. Имя и отчество Антон Перенгович
- 3. Дата рождения: число 2 месяц Октябрь год 1875
- 4. Место рождения д. Васильово Заманского с/с
Винницкого района Смоленской области
- 5. Место жительства (адрес) д. Васильово Заманского
Винницкого района Смоленской
- 6. Образование и специальность Земледельцу
- 7. Место работы и должность или род занятий В колхозе
Земледельческом колхозе им. Б. Б.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО.

ВОПРОС	ОТВЕТ
Фамилия	Козырев
Имя и отчество	Антон Антонович
Дата и место рождения	2-й октябрь 1875 г. д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области
Полное наименование (адрес)	д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области
Место работы и должность или род занятий	Земледельцу
Образование и специальность	Земледельцу
Место жительства	д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области
Дата и место ареста	2-й октябрь 1937 г. д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области
Дата и место освобождения	2-й октябрь 1937 г. д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области
Дата и место смерти	2-й октябрь 1937 г. д. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА 34

ТРОЙКИ УНКВД Калининской области

1-й октябрь 1937 г.

УЧАСТНИКИ	ПОСТАНОВЛЕНИЕ
В. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области	Коллектив Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области

Выписка из протокола

Тройки УНКВД Западной области от " " "

СЛУШАЛИ	П
Дело № 9588 Калининского РО УНКВД Западной области по обвинению: В. Васильово, Заманского с/с, Винницкого района, Смоленской области, 1875 г.р., ур.д. Васильово- Заманского с/с, в том, что он	ТЕНТ РАС Дли Ву

ВЫПИСКА ИЗ

ТРОЙКИ УНКВД

„1“ ноября 1937 г.

НОСТА

98 Спировского РО
им. ГАЗИЛОВА Якова
1885 г.р., урож. дер.
Спировского р-на, крупным
улачен, судим в 1933 г.
на 10 УК и 3 г.л/свободы.
Т.С. в том, что система
сводил к-р агитацию
оприятий Соввласти и
царский строй.

ТАВРИШОВА Леонов

РАССТРЕДЫ

„1“ номер

11.

ского РО
УОЗД Давен

ДІЛНОСТЬ ДО АКТА

Постановлением ТРО КН УЧ ЦД В. Кожинской области от ..
 № .. 1937 г. с расказа ..
 в исполнении " 3 " .. 1937 г. № 10 " 1 "

НАЧАЛЬНИК ОУДА Т. П. Д. ПО - ОУДА Т. П. Д.
НАЧАЛЬНИК А. О. П. Д. ПО - А. О. П. Д.
НАЧАЛЬНИК Д. П. Д. ПО - Д. П. Д.

Исполнитель: Д. О. [Signature]
Генерал-полковник

протокола № 30
= 29/X- 1937

ПОСТАНОВИДІ

ИМЕННА Платона Терен
АСТРЕЛТИ.
Джиро ему принадлежала
много отко конфискован

ОЙКИ УНКВД Ка

„1“ ноября

H A J H:

Баженовского РО
ПЕНСКОГО Пистра
г.р., урож. д.р.
области, слу
культу-поп.
ст. 163 УК

Удивляйтесь в том, что по во
раждения на высылки, пробравшись
на кирпичный завод, система
проходила к-р в родительство,
виделась совершенно негодный
лиц с целью срыва строительства
Белозерского льнокомбината, звали
а/с отечествен, направленно на
дискредитацию Совласта и рас
страивал к-р клевету против ру
дательской партии и правительств
Синельников, т

100 100 100

Коллаж ТАСС

XX ВЕК

Практически сразу, как установилась советская власть, начались гонения на верующих. Большевики один за другим закрывали храмы и монастыри, убивали священников и активных мирян. Причем формально советская власть не запрещала религию, вера объявлялась частным делом гражданина, но на практике уже сам факт сознательной, убежденной религиозной веры становился в глазах власти имущих маркером чужеродности, опасности. С точки зрения тогдашних коммунистов, это было вполне логично: идейные противники непременно должны вынашивать злодейские планы в отношении советской власти.

За годы гонений тысячи верующих были убиты, отправлены в ссылку, заточены в тюрьмах...

Подвиг мученичества за Христа — высший подвиг. И эти люди — эти герои! — ныне прославлены Русской Православной Церковью в лике святых.

ПРОТ

Калининск

Секретарь: г-дине...

Новомученики

Они не отреклись от Христа

Из множества историй новомучеников мы выбрали только три — но на самом деле их тысячи. Самые разные люди — священники и миряне, молодые и старые, образованные и малограмотные — оказывались перед жестоким выбором: смерть за Христа или жизнь ценой предательства.

Преподобноисповедник Леонтий (Стасевич)

В пасхальную ночь охранники лагеря потребовали от отца Леонтия, чтобы он отрекся от Бога. Он отказался это сделать. Тогда его опустили на веревке в выгребную яму. Затем подняли и спросили: «Отрекаешься?» — «Христос воскрес!» — ответил исповедник.

Они вновь опустили его в яму и снова подняли, а он в ответ им сказал: «Христос воскрес, ребята!»

Изрядно поиздевавшись над священником, его отпустили, так и не сумев добиться слов отречения.

Эта история произошла в годы репрессий в исправительно-трудовом лагере Караганды, где отбывал трехлетний срок заключения архимандрит Леонтий (Стасевич).

Преподобноисповедник Леонтий родился в 1884 году в посаде Тарноград Люблинского воеводства Холмской губернии в благочестивой крестьянской семье Фомы и Екатерины Стасевичей и в крещении был наречен Львом. Детство он провел дома, работая вместе с родителями в крестьянском хозяйстве. Он вспоминал впоследствии, что родительский дом часто посещали странники, которых отец приглашал ночевать. В благодарность за предоставленный приют они пели духовные стихи, повествующие о святых угодниках Божиих, о Святой земле и святых обителях, стихи, которые звали простую душу слушателя к духовному подвигу.

Окончив двухклассное училище и четырехклассную прогимназию в селе Замостье, Лев поступил работать писарем в Тарноградский суд; в это время ему исполнилось пятнадцать лет. Христианское воспитание, полученное в благочестивой семье,

▲ Иеромонах Леонтий Стасевич. 1910-е гг.

► Архимандрит Леонтий. 1930-е гг.

Все тюремные скорби отец Леонтий переносил со смирением и кротостью и о том времени впоследствии говорил: «Я в раю был, а не в тюрьме».

зло мира и страдания людей от этого зла — то, что он увидел, присутствуя на заседаниях суда, — все вместе склонило его к иному выбору — служению церковному. Окончив Холмскую духовную семинарию, он в 1910 году поступил в Яблочинский Онуфриевский монастырь. В 1912 году настоятель монастыря архимандрит Серафим (Остроумов) постриг послушника Льва в монашество с именем Леонтий, в 1913 году он был рукоположен во иеромонаха.

В 1914 году началась Первая мировая война. Яблочинский монастырь, как находящийся вблизи линии фронта, был эвакуирован вглубь России, и иеромонах Леонтий в 1916 году был определен в московский Богоявленский монастырь. Живя в Москве, он встретил однажды на улице блаженного, и тот сказал ему: «Придет время, тебя поведут по улице и прикладами будут погонять».

В 1922 году Патриарх Тихон назначил отца Леонтия настоятелем Спасо-Евфимиевского монастыря в городе Суздале и в 1924 году возвел его

в сан архимандрита. В 1929 году власти предприняли очередную попытку закрыть храмы в России. Были приняты новые законы, еще более ограничивающие права Русской Православной Церкви, и среди прочего был запрещен колокольный звон; начались массовые аресты священнослужителей и мирян.

3 февраля 1930 года архимандрит Леонтий был арестован и заключен в тюрьму в городе Владимире. «Звон тогда был запрещен, — рассказывал впоследствии отец Леонтий. — А мне... так захотелось Господа прославить звоном. Залез на колокольню и давай звонить. Долго звонил. Спускаюсь с колокольни, а меня уже встречают с наручниками».

2 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила архимандрита Леонтия к трем годам заключения в концлагерь. По возвращении из заключения он был направлен служить в храм в селе Бородино Гаврилово-Посадского района Ивановской области.

5 ноября 1935 года архимандрит Леонтий снова был арестован и заключен в тюрьму в городе Иванове. «Входил в состав группы активных церковников... Поддерживал связи с юродствующим элементом... и выдавал последних за “про-»

зорливцев” и “святых”; втягивал в религиозную деятельность детей школьного и дошкольного возраста путем раздачи последним разного рода подарков; распространял провокационные слухи о кончине мира, пришествии антихриста и падении советской власти», — такие обвинения предъявляли власти отцу Леонтию.

15 февраля 1936 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило его к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был отправлен в Караганду.

В легкие для него периоды времени в заключении отец Леонтий работал фельдшером, в тяжелые — на общих работах. Заключенным в лагере часто не давали спать по целым ночам. Только лягут — им уже надзиратели кричат: «Подъем! На улицу строиться!» А на улице холодно и дождь. И начинают командовать: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!» Заключенные падают, где стоят — в лужи и в грязь. Затем им скомандуют отбой, придут они в барак, только начнут согреваться, а им уже опять кричат: «Подъем! Строиться!» И так до утра. А утром — идти на тяжелую работу.

Все тюремные скорби отец Леонтий переносил со смирением и кротостью и о том времени впоследствии говорил: «Я в раю был, а не в тюрьме».

Когда отцу Леонтию жаловались на скорби, он говорил: «Это еще не страдание. А вот то, как мы, бывало, в тюрьме откушаем, а нас выведут, поставят в ряд и говорят: “Сейчас будем расстреливать!” Прицелятся, попугают, а потом опять в барак гонят».

В 1938 году закончился срок заключения, и отец Леонтий вернулся в Суздаль. Жил он то в Суздале, то в селах и небольших городках у своих духовных детей, совершая в их домах богослужения. К этому времени большинство храмов было закрыто, служить стало негде, почти все духовенство было арестовано.

В июне 1947 года епископ Ивановский и Кинешемский Михаил назначил архимандрита Леонтия настоятелем храма Живоначальной Троицы в селе Воронцово Пучежского района, а спустя некоторое время — благочинным всех храмов района, которых было тогда на весь район всего четыре.

2 мая 1950 года по окончании литургии архимандрит Леонтий снова был арестован и приговорен к десяти годам заключения.

В середине 1950-х годов, в связи со смертью Сталина и указом об амнистии, стали действовать комиссии по пересмотру дел осужденных по

политическим статьям. 28 марта 1955 года такая комиссия приняла решение снизить меру наказания архимандриту Леонтию до пяти лет, а так как он этот срок уже отбыл, то из-под стражи освободить. Архимандриту Леонтию исполнился тогда семьдесят один год. 20 июля 1955 года архиепископ Ивановский и Кинешемский Венедикт назначил его настоятелем храма Михаила Архангела в село Михайловское Середского района.

Гонения на Церковь в те годы не прекратились, хотя и приняли иную форму. Как и многие старцы, отец Леонтий любил шутку и иносказание. Раз такая шутка помогла ему избавиться от чиновников из райисполкома, приехавших проверить деятельность общины, а заодно и посмотреть на священника, о котором шла слава как о необыкновенном старце. За неделю до их приезда у него были наготовлены щи, которые гости не съели, и из-за сильной жары щи прокисли. Их хотели вылить, но старец строго-настрого запретил выливать, и щи стояли на жаре в коридоре и забродили. Увидев приближающихся к дому чиновников, отец Леонтий взял кастрюлю с прокисшими щами и поставил ее на огонь. По всему дому распространился такой запах, что члены комиссии, едва войдя в дверь, тут же поспешили уйти и, не заходя в храм, сразу же уехали.

Отец Леонтий до последних дней жизни служил в храме и говорил: «Какие часы мы служим, то те наши, а какие не служим, эти не наши».

7 февраля 1972 года архимандрит Леонтий отслужил свою последнюю Литургию. На следующий день он сильно ослабел и, воздевая руки вверх, радостно стал говорить: «К Богу идем, к Богу идем!» 9 февраля, когда в храме читали часы, он причастился Святых Христовых Таин дома. После Литургии певчие пришли к нему и стали петь церковные песнопения. В половине четвертого дня старцу стало хуже, и в четыре часа пополудни его душа отошла ко Господу.

Мученица Татьяна (Гримблит)

Татьяна
Гримблит.
Фото из
следственного
дела. 1937

Есть то, что на земле превыше всего — красота души человеческой.

И украсить свою душу — труд, требующий наибольшего мастерства и искусства. Тот, кто смог быть подмастерьем у Бога в украшении и совершенствовании своей души, тот, можно сказать, достиг совершенства во всех искусствах и все их постиг. Таким человеком, украсившим свою душу Божественными добродетелями, была мученица Татьяна (Гримблит). Перед красотой ее души склоняли головы и маститые архиереи, и старцы-подвижники, и юные мученики. Ее душа, как чистый родник, отражала океан Божественной благодати, проливая воды милосердия на скорбящих и страждущих. Не было человека, которому она отказала бы в помощи — посылкой, письмом или передачей в тюрьму. Ее письма читали и перечитывали святители-исповедники, лучшие люди нашего Отечества, сами ставшие ныне прославленным украшением Церкви Христовой; один из них писал: «Горячо благодарю Вас за Ваше прекрасное, воодушевленное письмо... оно возвышенно и поучительно и может поспорить за первенство с лучшими страницами из дневника отца Иоанна Кронштадтского. Под этим письмом с радостью поставили бы свои подписи великое множество преподобных и праведных жен и мужей, мучениц и мучеников. Да пребудет с Вами навсегда эта благодать Святого Духа, так гармонично и сладкогласно настроившая струны чистой и прекрасной Вашей души...» Эти ее письма, к сожалению, не сохранились, но сохранилось кое-что из стихов, которые Татьяна писала, даже находясь в заключении, куда она неоднократно попадала за дела милосердия (в 1923, 1925, 1927 и в 1931 годах). Находясь в узах, она написала о Боге:

*Я Тебя и умирая, мой Господь, благословлю,
Ты мне дал блаженство рая, радость подарил Твою.
Я спокойна — что мне надо? Ничего я не ищу,
и Тебе, моя Отрада, дней остаток посвящу.
Я любви Твоей не стою и завета не храню,
только всей моей душою на кресте Тебя люблю.
Вечно бы в груди носила красоту Твою с мольбой —
помоги, чтоб и могила не закрыла образ Твой.*

Мученица Татьяна родилась в 1903 году в Томске, в 17 лет она окончила Мариинскую гимназию, это был 1920 год, когда страна вступила в полосу решительных и кровавых перемен. Татьяна была внучкой всеми уважаемого в городе протоиерея, оказавшего большое и благотворное влияние на любимую внучку; о нем она за три года до своей мученической кончины писала:

*И все же никогда не забывала
в молитве грешной Богу поминать
как в детстве и теперь тепло сияли
мне веры луч и истины печать.
Той Истины, которой ты неложным,
всегда был честным, преданным слугой,
среди страданий и забот тревожных,
я, робкая, стремилась за тобой.
Теперь же — верю я — ты служишь Богу...
в горнем мире... и выведешь на верную дорогу...
и скажешь в радости, вкусив покоя...
Владыко, защити ее, покрой
Своей любовью,
дай крест с восторгом до конца нести!*

5 сентября 1937 года сотрудники НКВД в последний раз арестовали Татьяну в городе Александрове Владимирской области, где она тогда жила. Собираясь в тюрьму, она написала родным: «За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне, — опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью».

Татьяну обвинили в том, что она опекала в госпитале больных, включая тех, к кому по своим служебным обязанностям не имела отношения, в том, что, когда один из больных скончался, она, не смущаясь присутствием других больных и медицинского персонала, осенила его крестным знамением, что, невзирая на работу, она посещала храм в дни церковных праздников, что, находясь на дежурстве, выдачу лекарств сопровождала словами: «с Господом Богом» и одновременно крестила больных, а тяжело больным надевала на шею крестики. На допросе следователь спросил, правда ли, что сослуживцы упрекали ее в том, что она ведет слишком скудную жизнь. Татьяна ответила, что действительно, люди, «жалая меня, говорили: “Вы бы лучше оделись и поели, чем посылать

деньги кому-то», я отвечала: «Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них»».

22 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила Татьяну к расстрелу. Мужественная исповедница, всемерная помощница в узах находящимся деви-

ца Татьяна была расстреляна группой палачей на Бутовском полигоне 23 сентября 1937 года.

*Сбылись и радость и надежда:
увенчанная мукой крестной,
в последний миг мучений смертных
душа ко Господу спешит.*

Татьяне было тогда 33 года.

Мученики Никита (Сухарев) и Димитрий (Волков)

Никита
Сухарев.
Фото
из следствен-
ного дела

В 2015 году исполняется 70 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Среди многих мифов о войне, рожденных враждебным народу коммунистическим агитпропом, есть миф и о том, что война сделала принципиально иным отношение власти к Церкви. Однако факты свидетельствуют о другом: и в начале, и в конце войны врагом для властей, кроме врага внешнего, по-прежнему оставался народ.

Мученик Димитрий родился в 1871 году в деревне Островищи Покровского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Ивана Волкова. Грамоте, как и вере христианской, он был научен родителями, пастырями и богослужением в храме, великим воспитателем и просветителем человеческой

души, дававшим в иные времена больше, чем премудрость языческого образования. Переехав в город Орехово-Зуево Московской области, Дмитрий стал работать столяром. В 1940 году Дмитрию Ивановичу исполнилось шестьдесят девять лет, он был на пенсии и все свое время посвящал церковным делам.

Мученик Никита родился в 1876 году в деревне Починки Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьян Андрея Кузьмича и Анисии Алексеевны Сухаревых. Он окончил сельскую школу и работал ткачом на одной из орехово-зуевских фабрик. Ко времени ареста Никита Андреевич был на пенсии.

В 1939 году в Орехово-Зуево был закрыт последний из работавших еще тогда в районе храмов — Рождества Пресвятой Богородицы, строитель-

ство и благоустройство которого продолжалось около тридцати лет — с 1872 по 1901 год. Недолго радовались прихожане службам в новопостроенном храме — наступило время гонений на Церковь от захвативших власть безбожников, и храм был закрыт. Верующие, конечно же, не согласились с этим. По советским законам хлопотать об открытии храма могла только зарегистрированная властями двадцатка. Так как часть людей к этому времени умерла и выбыла из ее состава, другая проявила равнодушие к судьбе храма, а иные оказались вовсе малодушны, то в мае 1940 года прихожане переизбрали членов двадцатки. Старостой выбрали Дмитрия Ивановича Волкова. Двадцатка стала собираться каждую неделю, чтобы обсуждать, как открыть храм, сюда же стали приходить помолиться и прихожане.

На одном из собраний члены двадцатки решили обратиться к председателю Орехово-Зуевского горсовета с просьбой зарегистрировать священника. Дмитрий Иванович отправился в Москву к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) с прошением, чтобы он направил к ним в храм священника. Владыка Сергей направил жившего в Загорске протоиерея Федора Казанского — но тот, побывав на приходе и узнав, что власти не разрешат открыть храм, вернулся обратно в Загорск. Прихожане стали искать другого священника, которого могли бы зарегистрировать власти, но те чинили всяческие препятствия открытию храма и потребовали сначала сделать в нем ремонт. Прихожане собрали деньги, уплатили все налоги за бездействующий храм, сделали ремонт, и затем староста Дмитрий Волков и член двадцатки Никита Сухарев вновь пришли к председателю городского

Дмитрий Волков.
Фото из следственного дела

совета с просьбой открыть храм, но получили от него ответ, что он ничем им помочь не может, так как рабочие местных фабрик на митингах требуют закрытия храма. Они обратились в Мособлисполком, но там им было сказано, что вопрос о богослужении в храме может решить только Верховный Совет РСФСР.

15 мая 1941 года Дмитрий Иванович и Никита Андреевич отправились в приемную Верховного Совета с жалобой на действия местных властей и с просьбой все же открыть храм. «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами, — писали прихожане. — Мы, община, несколько раз обращались в Орехово-Зуевский горсовет о регистрации священника к нашему храму. Каждая община, если она зарегистрирована, имеет право этого требовать, если она выполняет все взятые на себя по договору обязательства... Все обязательства, взятые нами, выполнены, а также и налоги, согласно выписанным документам райисполкома, нами выплачены. В чем же дело?»

Ответа на свою жалобу верующие не дождались.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война — одна из самых значительных по своим

масштабам, понесенным потерям, возможным без нее и происшедшим с нею последствиям в истории России и мира, потребовавшая от русского народа напряжения всех его сил, — война тем более страшная, что велась Россией, потерявшей к этому времени свое историческое имя, когда было вычеркнуто и оклеветано ее прошлое, под руководством враждебного народу правительства. Враг, ненавидевший Россию, сидел и в Кремле — в виде сталинского правительства — и наступал извне в виде новых «двунадесяти языков», проводимых Германией. В то самое время, когда немецкие войска перешли границы России, письмо верующих с просьбой об открытии храма лежало в Верховном Совете. Надо было давать ответ, и он был дан в соответствии с установками коммунистической власти: в день начала войны, 22 июня 1941 года, руководство московского НКВД постановило арестовать двух церковных стариков из народа; на следующий день староста храма Дмитрий Иванович Волков и член церковной двадцатки Никита Андреевич Сухарев были арестованы и заключены в тюрьму.

24 июня около полуночи следователь начал допрос Дмитрия Ивановича. В первую очередь он осведомился, что думает арестованный о причине своего ареста, рассчитывая, быть может, на то, что обвинение будет сформулировано им самим. Дмитрий Иванович ответил, что, вероятно, его арестовали за участие в церковном совете и за хлопоты по открытию церкви. Следователя такой ответ не удовлетворил, и он стал настаивать, чтобы обвиняемый признал, что занимался контрреволюционной деятельностью. Дмитрий Иванович с этим не согласился. В ту же ночь был допрошен и Никита Андреевич Сухарев и на тот же вопрос ответил, что, вероятно, он арестован за то, что хранил церковные книги и хлопотал об открытии церкви в городе. Следователь стал обвинять Никиту Андреевича в контрреволюционной деятельности, но тот это категорически отверг. Допросы продолжались в течение нескольких дней, но обвиняемые не согласились с выдвигаемыми против них обвинениями, сказав, что если о чем вслух и печалились, то только о том, что невозможно им открыть Божий храм.

В июле 1941 года немецкие войска стали стремительно продвигаться к Москве, и в городе было объявлено военное положение. Следователи, ведшие дела арестованных, отбыли в глубокий тыл, в город Омск,

туда же этапом вслед за ними были отправлены и подследственные. Сотрудники НКВД за хлопотами эвакуации не успели никого допросить, и дело оказалось лишенным показаний свидетелей. Дмитрий Иванович и Никита Андреевич были заключены в омскую тюрьму, и с 3 сентября 1941 года круглосуточные изнурительные допросы возобновились.

Отвечая на поставленные ему вопросы и отклоняя все обвинения в контрреволюционной деятельности, Никита Андреевич сказал, что они действительно вели активную агитацию среди жителей Орехово-Зуева, но лишь об открытии храма, что он на заявления некоторых о том, что власти никогда не дадут открыть церкви, стараясь утешить людей, напоминал, что и во времена Римской империи были на христиан гонения, такое же гонение Церковь переживает и сейчас, но как кончались они в Римской империи и восторжествовало христианство, так кончатся и гонения теперешние.

27 декабря 1941 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Дмитрия Ивановича Волкова и Никиту Андреевича Сухарева к пяти годам ссылки в Омскую область. Несмотря на то, что приговор к ссылке означал возможность поселиться вне тюремной ограды, они не были освобождены из тюрьмы. Преклонный возраст, едва переносимые условия этапа, изнурительные круглосуточные допросы, содержание в тюрьме на голодном пайке во время войны, когда и солдаты не всегда получали продуктов в достатке, быстро приближали их смерть. Церковный староста Дмитрий Иванович Волков скончался 4 марта 1942 года в омской тюрьме № 1 и был погребен в безвестной могиле. Член церковной двадцатки Никита Андреевич Сухарев скончался через четыре месяца, 4 июля 1942 года, в той же тюрьме и также был погребен в безвестной могиле. ✠

Игумен Дамаскин
(Орловский),
секретарь
Синодальной комиссии
по канонизации святых

